

— болг. «щука» произносится как [штука], следовательно, в русском языке омонимично слову «штука» в значении «предмет», «вещь».

Межъязыковые омонимы, являясь неотъемлемой частью «ложных друзей переводчика», играют важную роль при изучении любого языка. Преимущественно, это проявляется в языках одной языковой группы, в которой используется сходная графика, например, как в болгарском и русском языках. Рассмотрев межъязыковые омонимы при сопоставлении болгарского и русского языков, можно сделать вывод о том, что, несмотря на близость языков, именно омонимия может вызвать затруднения при изучении и переводе с данных языков. На наш взгляд, несоответствие семантики однокоренных слов, в первую очередь, отражает национальную особенность близкородственных языков, а потому требует дальнейшего детального рассмотрения и изучения.

Литература

1. Корпус параллельных русских и болгарских текстов [Электронный ресурс]. URL: http://rbcorpus.com/contact_rus.php
2. Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. Словарь справочник лингвистических терминов. 3-е изд., М.: Просвещение, 1985. 399 с.
3. Рыльский М. Ф. Художественный перевод с одного славянского языка на другой// Доклады IV международного съезда славистов. М., 1958.
4. Федорчук Е. В. Межъязыковая омонимия и паронимия в близкородственных языках, 2001 [Электронный ресурс] // Библиотека диссертаций. URL: <http://www.dissertations.ru/dis/glav1.html>
5. Хуцишвили С. Д. Славянские межъязыковые омонимы: диссертация на соиск. акад. ст. докт. филологии. Тбилиси, 2010. 169 с.

Д. Е. Эртнер, г. Тюмень

МЕТАФОРИЧЕСКИЕ СПОСОБЫ СТРУКТУРИРОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО ЛАНДШАФТА В ГАЗЕТНОМ ТЕКСТЕ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ)

Значимость исследования метафорических переносов в науке не вызывает сомнений, именно поэтому метафора стала отдельной проблемой таких направлений, как лингвистика, когнитивистика, психолингвистика, лингвокультурология и др. Целью данной работы является выявление универсальных и специфичных особенностей метафорических трансформаций как средства структурирования политического ландшафта в англоязычной и русскоязычной прессе.

Выполняя поставленные перед собой задачи, мы в теоретическом ключе определили когнитивную природу метафоры в политическом дискурсе. Она проявляется в социально-образном восприятии реципиентом действительности; метафора «позволяет картинно представить определенное явление жизни..., позволяет лучше понять его, оценить, определить» [Эльсберг 1960: 19], «обладает способностью... подсказывать и настраивать на определенный тип решения и поведения, помогает смоделировать окружающий мир человека..., порождая соответствующий эмотивный эффект, который оказывают влияние на мотивацию и направленность человеческой деятельности» [Рудакова 2002: 65]. При этом уместным было сослаться на определение самого понятия «метафора». Так, в Лингвистическом Энциклопедическом словаре Арутюнова Н. Д. приводит следующее (универсальное, на наш взгляд) определение метафоры: «употребление слова в переносном значении на основе сходства в каком-либо отношении двух предметов или явлений» [Арутюнова 1990: 312].

На фоне рассмотренных нами различных классификаций метафор особо выделяются семантико-синтаксическая классификация метафор О. И. Глазуновой, которая подразделяет метафорические кон-

струкции на номинативные, предикативные, генитивные, адвербиальные с наречиями, мотивированными формами творительного падежа существительных, атрибутивные и адвербиально-атрибутивные, сравнительные, устойчивые фразеологические, образные [Глазунова 2000: 112], и классификация метафор по типам метафорического переноса Складневской Г. Н. (типы метафорических переносов: а) регулярные: предмет — предмет, предмет — человек, предмет — физический мир, предмет — психический мир, предмет — абстракция, животное — человек, человек — человек, физический мир — психический мир; б) нерегулярные: животное — предмет, животное — животное, животное — психический мир, человек — животное, физический мир — физический мир, физический мир — человек) [Складневская, 1993: 98] и представляют особый интерес для нашего практического исследования при понимании и выявлении метафорической специфики. Ведь «механизмы реализации сравнительных отношений» зависят, прежде всего, «от контекста и от конкретных прагматических задач автора», к тому же мы убедились, что сущность метафоры кроется в системе коннотативных образов, когда на первый план выступают признаковые значения, а «синтаксическая структура способствует формированию дополнительных смыслов или дает возможность сделать акцент на том или ином аспекте их проявления» [Глазунова 2000: 68].

В ходе практического исследования методом сплошной выборки мы отобрали 94 и 61 пример метафорических трансформаций в русском и английском языках соответственно. Материалом для лингво-когнитивного анализа послужили электронные версии 4-х русскоязычных и англоязычных газет «Аргументы и Факты», «Комсомольская правда», «The Guardian» и «The Independent».

Рассмотрим некоторые примеры метафорических трансформаций: «А бюджет-то дал течь!» [Аргументы и Факты, URL] — когнитивная метафора, синтаксически представленная в виде предикативной метафорической конструкции, в которой источником метафорического переноса выступает концепт «вода», значение трансформируется на основе характерного признака «жидкость» вспомогательных субъектов «пробоина», «щель». Метафорический перенос осуществляется при помощи глагольного словосочетания «давать течь» в функции предиката. Словосочетание «давать течь» употребляется в новом окружении, а именно с нейтральным, отвлеченным понятием — существительным «бюджет», при слиянии ярко выявленных внутренних характеристик и коннотативных образов двух потенциально значимых семантических сфер — физический мир и предмет. Физическое явление, связанное с возможностями водной стихии проникать сквозь что-либо, литься, струиться, распространяться быстрыми темпами, в своем прямом значении накладывается на область вспомогательного субъекта, предмета, созданного и используемого человеком, не прямо, а опосредованно, в переносном значении «нести финансовые убытки, потери, иметь определенные проблемы с экономическими ресурсами». Метафорическая конструкция в целом обладает усилительной коннотацией, неся в себе систему ассоциативно-образных отрицательных качеств, указывая, тем самым, на повышенную степень проявления выраженного и эксплицитно представленного глаголом предикативного признака, значение которого актуализируется в сознании с помощью вторичной номинации.

«Money is the root of all evil» [The Guardian, URL] — когнитивная метафора, синтаксически представленная в виде устойчивой фразеологической метафорической конструкции, в которой источником метафорического переноса выступает концепт «растение», значение трансформируется на основе характерного признака «root — корень» вспомогательного субъекта «evil — зло», за счет которого в сознании актуализируется целый комплекс негативно окрашенных предикативных признаков, ведь лексема — существительное «зло» в своем прямом значении определяется как «нечто плохое, дурное». Основной субъект «root — корень», в свою очередь, в переносном смысле понимается как «основа; источник; причина», и именно по этой причине целостное, развернутое значение фразеологизма «корень всех зол» в окружении нейтрального эксплицитно представленного языкового средства «money — деньги» в сознании носителей языка приобретает простое и понятное выражение «Деньги портят людей». Таким образом, метафорическая конструкция в целом несет в себе отрицательную коннотацию.

Устанавливая сходства и различия функционирования метафорических переносов в русскоязычном и англоязычном газетных текстах, мы опирались, в первую очередь, на количество обнаруженных в них метафорических единиц: в русскоязычном — это количество равняется 94, в англоязычном — 61. Это лишний раз подтверждает тот факт, что английский язык по своей структуре — язык информативный, акцент ставится не на количестве языковых единиц, а на их качестве, поэтому даже самый незначительный синонимический ряд слов зачастую рассматривается как лексическая тавтология. Русский же язык совмещает в себе два этих принципа. Богатство и разнообразие словообразовательной

системы, лексическое богатство, основные поэтические тропы, фигуры речи, выразительность средств морфологии и синтаксиса, изобразительные приемы, построенные на грамматической основе — все это и многое другое отражает специфику русского языка как языка поэтического.

В политическом дискурсе как русских, так и английских газет метафора обнаруживает себя, главным образом, в художественно-ассоциативных проявлениях и в полной мере раскрывает свою образную природу. В большинстве своем метафора представлена в виде всевозможных конструкций, что свидетельствует, в свою очередь, о том, что мы имеем дело с метафорой развернутой, в которой носителем метафорического образа является группа тематически связанных единиц. Так, в русскоязычном политическом дискурсе по частотности употребления генитивные метафорические конструкции (*зеркало жизни, тень неприязни* и др.) (29 единиц — 30,9%) и предикативные метафорические конструкции (*кусаться (о ценах), взлететь (о курсе доллара)* и др.) (19 единиц — 20,2%) стоят на первом месте, что свидетельствует о противопоставлении статичности, пассивности и подвижности, активности, динамичности русского языка. Вдобавок ко всему, устойчивые фразеологические конструкции занимают определенный пласт в языке публицистики (19 единиц — 20,2%), и именно к ним чаще всего прибегают авторы, так как подобные конструкции имеют структуру, зафиксированную в словарях и в сознании носителей языка, что заметно облегчает процесс декодирования информации. К тому же фразеологические сочетания широко распространены в художественных произведениях, что, в свою очередь, придает газетно-публицистическому тексту дополнительную экспрессивную окраску. Примеры номинативных и адвербиальных метафорических конструкций с наречиями, мотивированными формами творительного падежа существительных, не были нами обнаружены, хотя известно, что в подобных текстах они встречаются, и довольно часто.

В англоязычном же политическом дискурсе первое место по частотности употребления занимают предикативные метафорические конструкции (*is awash with rumours (Internet), tell a different story (actions)* и др.) (22 единицы — 36,1%). Это доказывает тот факт, что английский язык — язык аналитический, где основная роль в предложении принадлежит глаголу-сказуемому, и смысл предложения будет напрямую зависеть от того, в какой форме употреблен глагол, который, в отличие от русского языка, где даже безличное предложение имеет свою особую информативную ценность, показывает, как протекает действие. Не встретили мы примеров образных и адвербиальных метафорических конструкций с наречиями, мотивированными формами творительного падежа существительных. Как нам кажется, авторы посчитали внутреннюю эмотивность и экспрессивность, изначально заложенную в подобных конструкциях, семантически и стилистически избыточной, а принадлежность, в большинстве случаев, к разговорному и книжному стилям — недопустимой применительно к газетно-публицистическому тексту.

Следующим этапом нашего практического исследования явился сопоставительный анализ денотатов (семантических сфер), вовлеченных в метафорический процесс. Как в русскоязычном, так и в англоязычном политическом дискурсе многочисленны предметные переносы. Так, метафорические переносы «Предмет-психический мир» (*зеркало жизни, тень неприязни* и др.) (13 единиц — 13,8%) и «Предмет-абстракция» (*оказаться за бортом, волна национализма* и др.) (8 единиц — 8,5%) указывают на то, что предметная лексика в русском языке широко используется для обозначения психических и абстрактных явлений и процессов, элементов социального устройства, фактов и элементов духовной жизни, культуры, истории и т.д. Перенос «Животное-человек» (*о людях — извести как клопов, озверевший народ* и др.) (6 единиц — 6,4%), по нашему мнению, играет в языке роль одного из самых экспрессивных средств метафоризации, ведь зачастую такие наименования-характеристики направлены на дискредитацию, резкое снижение предмета речи и обладают яркой негативной окраской, то есть содержат в себе отрицательную оценку, придающую неодобрительный оттенок всему значению. Роль эпитетов в тексте публицистического стиля неоспоримо велика (*золотая клетка, жгучее желание* и др.) (8 единиц — 8,5%). Эпитеты придают дополнительную выразительность, красочность, насыщенность языковым элементам текста, при этом обладая заложенной в них от природы метафоричностью.

Немаловажным шагом в изучении процессов метафоризации, а особенно при выявлении общих и отличающихся характерных черт в структуре двух различных лингвокультурных дискурсов, как нам кажется, является концептуальный анализ метафорических конструкций. Интересно отметить, что, хотя мы рассматривали отдельные тексты статей (не параллельные тексты оригинала и его перевода), на концептуальном уровне практически не выявилось значительных отличий. Как в русском, так и в английском языках можно выделить следующие базовые метафорические концепты: Вода, Огонь,

Человек, Растение. Различия наблюдаются на уровне их метафорических составляющих. Так, в русскоязычном политическом ландшафте проявляются метафоры: Жизнь, Свет, Звезда, апеллирующие к этическим принципам, в то время как в англоязычном политическом дискурсе метафоризируются такие понятия, как: Ветер, Деньги, Весы, Шторм, Смерть. Можно предположить, что именно на этом уровне проявляется лингво-культурная специфика двух языков.

Наблюдается тенденция к обращению авторов к наиболее используемым, привычным и общим для многих языков — не только русского и английского — концептам, несущим в себе весьма разнообразную систему образов, потенциально предназначенных для выражения предикативных признаков главного субъекта метафорического переноса. Это такие концепты, как: Ветер, Смерть, Тень, Растение. Но наиболее «популярными» по частотности использования и смысловой нагрузке являются четыре основных концепта: Вода (в русскоязычном политическом дискурсе — 35 единиц — 37,2%, в англоязычном — 19 единиц — 31,2%), Человек (в русскоязычном политическом дискурсе — 18 единиц — 19,2%, в англоязычном — 17 единиц — 27,9%), Огонь (в русскоязычном политическом дискурсе — 11 единиц — 11,7%, в англоязычном — 2 единицы — 3,3%), Животное (в русскоязычном политическом дискурсе — 10 единиц — 10,6%, в англоязычном — 9 единиц — 14,8%).

Так, основываясь на результатах нашего исследования, можно говорить о том, что метафора в политическом дискурсе интернациональна по своей природе. Принадлежность метафорического переноса к сфере мышления предопределило существование в языках различного строя одних и тех же коннотативных образов для передачи определенной информации признакового характера. С другой стороны, метафоры репрезентируются посредством национально-детерминированных по своему значению структур, так как основу их составляет система духовных, морально-этических ценностей, вырабатываемых коллективным сознанием в процессе общественно-политического развития.

Литература

1. Арутюнова Н. Д. Лингвистический Энциклопедический словарь // гл. ред. Ярцева В. Н. М.: Советская энциклопедия. 1990, 685 с.
2. Глазунова О. И. Логика метафорических преобразований. СПб.: Питер, 2000. 270 с.
3. Рудакова А. В. Когнитология и когнитивная лингвистика / под. ред. И. А. Стернина. Воронеж: Воронежский государственный университет. 2002, 78 с.
4. Складневская Г. Н. Метафора в системе языка. СПб.: Наука. 1993, 151 с.
5. Эльсберг Я. Е. Образ в публицистике. М.: Сов. печать. 1960. №10, С. 18-27
6. Новости России и мира, аналитика и публикации / Сайт газеты «Аргументы и Факты». [Электронный ресурс]: URL: <http://www.aif.ru/>.
7. Latest news, sport and comment from the Guardian / The Guardian. [Электронный ресурс]: URL: <http://www.guardian.co.uk/>